

С. С. ПАШИН

профессор кафедры отечественной истории Тюменского государственного университета, доктор исторических наук, профессор

ПРИСЯГА «НА КОЛЬЦЕ» В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ ЧЕРВОННОЙ РУСИ XV в.

В судебной практике Червонной Руси XV в. прослеживаются два способа принесения присяги. Католики присягали на кресте — как правило, в здании суда. «Русский (в данном случае — православный) обычай» требовал давать клятву только у входа в православный храм. Записка львовского градского суда от 28 сентября 1473 г. подробно описывает порядок принесения присяги «iuxta modum Ruthenicum»: присягавший (шляхтич, кмет или горожанин — без разницы) должен был, держась левой рукой за рукоять церковной двери в виде кольца (per rothulam circa ecclesiam) и крестясь правой рукой, произносить слова заранее составленной и одобренной судебной инстанцией клятвы [1].

Поскольку подготовка к церемонии требовала определенного времени, решение о ней обычно принималось на предыдущем судебном заседании. Судья и заседатели в первую очередь стремились выяснить конфессиональную принадлежность участников предстоящей церемонии. От этого зависело, как они будут присягать: «на кольце или на кресте» (ad Colcze vel ad crucem) [2].

В период между судебными заседаниями следовало подготовить текст присяги. У католиков его стандартные формулы не отличались многословием: «Пусть меня (нас) Бог рассудит и святой крест, что

(было то-то)» [3]. Текст присяги православного истца, ответчика или свидетеля вместо (кроме) креста включал в себя имя святого, в честь которого названа церковь, и в конце — готовность принять небесную кару в случае лжесвидетельства.

В львовских судебных записках в качестве «напарника» Бога и исполнителя божественного наказания неизменно выступал святой Николай (Микула) — скорее всего, по той причине, что построенная в конце XIII в. и сохранившаяся до наших дней каменная церковь святого Николая была ближайшим к зданию суда православным храмом. Вот образчики присяги: «Пусть нас Бог рассудит и святой Микула, что [...]. Святой Микула, если хорошо клянемся, останься с нами, если плохо клянемся — пусть святой Микула покинет нас»; «Пусть меня Бог рассудит и св. Крест, и св. Микула, что [...]. Если правдиво клянусь, вверяю себя св. Микуле, если не правдиво — пусть св. Микула покинет меня» [4].

Символический смысл присяги «на кольце» прочитывается без особого труда. Скобы в виде рельефных львиных масок с кольцами в пасти украшали двери едва ли не всех западноевропейских, византийских и русских храмов. Храм, в свою очередь, был символом вселенной, объединяющей небесную и земную сферы. Идея храма как микрокосма подразумевает пространственную и временную определенность: на востоке, в алтарной части, пребывает священное прошлое; на западе, у церковной двери — тревожное будущее, связанное с ожиданием второго пришествия Христа [5]. Сцены Страшного суда помещались на порталах, украшавших церковные двери (Западная Европа), либо на сводах и стенах западной части здания (Византия и Русь). Каждый посещавший храм должен был видеть эти сцены. Следует помнить, что идея Страшного суда как завершения истории человечества в средневековом сознании заслонялась более доступной мыслью о кончине конкретного верующего и его персональном спасении или осуждении [6].

В контексте вышеизложенного двери храма воспринимались как вступление на путь спасения: «Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется» (Иоан. 10:9). Совершение близ сакрального места престу-

пления или иного неблагоприятного поступка считалось особо тяжким грехом, достойным самого сурового наказания со стороны как земных, так и небесных сил.

Не столь однозначен вопрос о причинах бытования подобного обычая в Червонной Руси XV в. Наш единственный предшественник в деле изучения присяги «на кольце», польский историк В. Гейнош, справедливо видя в ней «пережиточную институцию древнерусского права», полагал, что католическая форма присяги «является формой шляхетского сословия, “*iuris terrestris*”, русская же — сословий низших» [7]. В последнем случае он, думается, ошибался.

Древнерусские князья, по крайней мере с середины XI в., действительно клялись на кресте, а само крестное целование становится синонимом княжеской клятвы. В Повести временных лет под 1068 г. дается своеобразный панегирик силе не только крестного целования, но и «честного креста», причем концовка текста прямо перекликается с червоннорусской судебной практикой: «Аще бо бывають от бєсь мечтанья, знаменавше лице крестомь, прогоними бывають» [8].

Однако самая близкая параллель прослеживается в известии Повести временных лет под 944 г.: подтверждая договор с Византией, вернувшийся в Киев князь Игорь вместе с дружинниками-язычниками «ходи... роте» на холм с идолом Перуна, «а хрестяную Русь водиша роте в церкви святого Ильи» [9]. Приведенное известие дает вполне удовлетворительное объяснение фразам статей 22, 31, 37, 47–49, 52, 115, 118 Пространной Правды, которые ставили в тупик самых известных историков древнерусского права: «ити... роте», «ити... на роту», «пойдуть на роту», «идета на роту», «роте ходивше». Мы полагаем, что на Руси времен Пространной Правды «роту» (присягу, клятву) надлежало давать не на заседании суда, а в церкви или перед храмом.

Косвенным подтверждением этому и еще одной параллелью с червоннорусскими материалами XV в. является содержание санкций-заклятий во всех шести пользующихся доверием публичных и частных актах домонгольской Руси: «А кто слово мое переставить, ино судить ему богъ и святыи мученикъ Георгии въ семь веще

и въ будущемъ»; «А хто поступить, судиться со мною передь Георгиемъ в сии векъ и въ будущемъ»; «Да же кто запыртить или ту дань и се блюдо, да судить ему богъ в день пришьствия своего и ть святыи Георгии»; «А хто почынетъ въступатися въ тое землю... и онъ въ второе пришьствие станеть тяжатися со святымъ Пантелеимономъ»; «Аще кто дияволемъ [науч]ень и злыми [человеки наважень цпто] хочеть отъяти... а буди ему противень святыи Спасъ и въ съ векъ и въ будущи»; «... да же кто разрушитъ ю, да сам отвечаетъ святеи Богородици...» [10]. Как видим, киевский князь Мстислав Владимирович, его сыновья Всеволод, Изяслав и Ростислав, а также основатель новгородского Спасо-Хутынского монастыря Варлаам угрожали нарушителям своей воли небесными карами не только от Бога, но и от святых патронов адресатов пожалования (дарения).

В послемонгольский период русской истории в княжеских и частных актах, сохранивших в своем формуляре санкцию-заклятье, пропадает имя святого. Уже в уставной грамоте волынского князя Мстислава Даниловича (около 1289 г.) читаем: «А хто мое слово порушить, а станеть со мною передь Богомъ» [11]. Сходная клаузула имеется в волынской данной 1385 г. Чурилы Бродовского и перемышльской меновной грамоте 1390 г. русского старосты Яна Тарновского: «а хто поступить на мое слово въведается, тотъ передь богомъ ис моюю душею»; «кто жъ коли зломи(т) нашу грамотоу, су(д) пре(д) б(г)мъ имаю с нимъ» [12].

В захваченной поляками в 1349 г. Червонной Руси клятва в возглавляемых католиками судах, с точки зрения православных жителей, была лишена сакрального смысла. Поэтому у них, в отличие от Новгородской и Северо-Восточной Руси, еще в 10-е гг. XVI в. [13] сохранился, по нашему мнению, восходивший к домонгольским временам обычай принесения присяги на рукояти-кольце церковной двери.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z Archiwum tak zwanego bernardyńskiego we Lwowie. We Lwowie, 1891. T. 15. S. 162. N 1262. Далее: AGZ. См. также: Ibid. 1888. T. 13. S. 393–394. N 5034 (1462 г.).

2. Ibid. 1889. Т. 14. С. 158. N 1277. См. также: Ibid. 1887. Т. 12. С. 156. N 1786; Т. 13. С. 562. N 6899; Т. 14. С. 37, 54. N 297, 440.
3. Ibid. Т. 12. С. 54, 108, 336. N 496, 1096, 3478.
4. Ibid. Т. 14. С. 137, 413. N 1115 (1444 г.), 3132 (1454 г.).
5. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 83.
6. Гуревич А. Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников (Exempla XIII века). М., 1989. С. 111, 125, 128.
7. Hejnosz W. Fragmenty «Iuris Ruthenici» na Rusi Czerwonej pod koniec średniowiecza // Księga pamiątkowa ku czci Władysława Abrahama. Lwów, 1931. Т. 2. С. 292, 295.
8. Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 75.
9. Там же. С. 26.
10. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949. С. 139–141, 162. № 79–82, 104; Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / изд. подг. Я. Н. Щапов. М., 1976. С. 145.
11. Полное собрание русских летописей. М., 1998. Т. 2. Стб. 932.
12. Грамоты XIV ст. Київ, 1974. С. 64, 104. № 32, 51.
13. AGZ. We Lwowie, 1906. Т. 19. С. 680–681, 684–685. N 3117, 3120.

А. Н. КУРНАКОВ

аспирант кафедры новой истории и международных отношений Тюменского государственного университета

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКЕ

Наиболее распространенным типом конфликтов в Африке является этнический конфликт. Это связано с разнообразием народов и племенных образований, населяющих африканский континент, и вытекающей из этого этнической напряженностью в различных регионах Африки. Причины у подобных конфликтов очень часто различны. Так, зачастую причинами выступают ошибки колонизаторов в этнической политике. В данной статье ставится цель рассмотреть роль Уганды в начале геноцида в